

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

(К выходу второго издания книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях»)

Наконец эта ставшая библиографической редкостью книга снова увидела свет. Удивительна ее история, и в ней, как в капле воды, отражается наше удивительное время.

Судите сами.

В далекие двадцатые годы в глухом сибирском поселке, в коммуне «Майское утро», крестьяне захотели узнать и постичь книги Горького и Лескова, Лермонтова и Гоголя, Щедрина и Тургенева, Мольера и Гауптмана, Бабеля и Подъячева, Есенина и Маяковского... Учитель Андриан Митрофанович Топоров в течение многих лет из вечера в вечер читает в школе уставшим после полевых работ коммунарам произведения отечественных и зарубежных классиков. На составленных столах, высланных мохнатыми шубами, спят детишки. А взрослые слушают. И никто не уходит. А после чтения не спешат по домам, делятся впечатлениями от прочитанного, размахивают руками, спорят.

А учитель записывает реплики. Записывает на полях книги, в тетрадке, на клочке бумаги.

Он записывает и о многом пока не знает.

Не знает, что именно сейчас, здесь вот, на вечерних сходках, рождается небывалая книга «Крестьяне о писателях», о которой вскоре заговорят Москва и Варшава, Нью-Йорк и Париж. Не знает, что опыта, подобного этому, никто в мире пока не проводил и что крестьян-критиков с легкой руки столичного журналиста назовут метко «Белинскими в лаптях». Не знает, что у шустрого Степки Титова, прижавшегося вон к отцовскому плечу, родится в будущем сын Гера и быть ему космонавтом номер два...

Да, о многом не догадывается этот не высокого роста черноволосый учитель в очках. Наклонился над бумагой, быстро пишет своим крупным, отчетливым почерком.

...Из двадцатых годов, из дальнего далека наплывают на нас голоса крестьянских критиков:

Шитиков Д. С. Сколько я книг ни читал, ни слушал — даже таких, которые с правды взяты, но такой вострины и умности не встречал, как в «Любови Яровой». Тренив знает все, что есть на уме у мужика, у бабы, у профессора, у солдата, у попа, у архиерея и у всякого черта! Раскусил он умы и рассудки всех людей...

Бочарова А. П. Эх, посмотрели бы, какое дрожение в народе было, когда читали «Дубровского»! Я как пришла домой с чтения, так сама не в себе была. Досадно мне сделалось, рвала и метала вокруг себя. Ровно потеряла что. Не усидела дома, к сватье Алене в полночь ушла. Попадись мне этот проклятый баринишка (про князя Верейского), так я бы его сейчас вот тут раздернула. Вот как!..

Блинов М. Е. При этом стихе (о «Партбилете» Безыменского) аж щека у меня задергалась!.. Сто тысяч, партбилетов не заменят одного ленинского. Нет!..

Чем интересны эти высказывания? Прошли годы. Некоторые оценки коммунаров не выдержали испытания временем, но по-прежнему радуют нас меткостью и остротой из-под самого сердца вырвавшегося слова. Видимо, ценность критических выступлений крестьян не только в их положительном или отрицательном отношении к тому или иному произведению, но и в тех языковых блестяшках, которые обильно рассыпаны в их речи. Вот уж подлинно золотые россыпи, над которыми не мешало бы призадуматься профессиональной критике, так часто грешащей суконным изложением мысли!

«У Пушкина вся картина собрана по макову зернышку», «Берешь пушкинского типа и начинаешь с ним в уме по своим знакомым шнырять, нет ли где такого»; «Написано на отделку»; «Каждое слово его (Серафимовича) много на психику человека вразумливает»; «Речка-то! Ишь, серебрится... Живая картиночка!..» Читаешь эти краткие, как пословица, речения и как будто припадаешь к чистому, незамутненному источнику. И в этом смысле книга А. Топорова щедрый подарок любителям живого, народного русского языка.

Размышляя над опытом крестьянской критики, невольно думаешь и о том, как ошибаются те, кто считает, что для «простого» народа нужна какая-то особая «доходчивая», «понятная» литература (дескать, сложных, философских производный неподготовленные читатели не поймут). А коммунары «Майского утра» читали и анализировали гетевского «Фауста», ибсеновские «Привидения», шиллеровскую «Орлеанскую деву», толстовское «Воскресение»! Так ли уж просты эти вершины художественной и философской мысли?!

Чтения в «Майском утре» не были для А. М. Топорова самоцелью. Приобщаясь к гениальным творениям, крестьяне пробудили в себе стремление к просвещению, приучились обсуждать не только

литературные, но и жизненные вопросы. А у некоторых возникла ответная жажда творчества. Нельзя без волнения читать вступительную статью к книге, написанную Степаном Павловичем Титовым, отцом космонавта-два. Это не просто воспоминание со всеми присущими мемуарной литературе качествами. Это подлинное искусство словесной живописи.

Вот первое знакомство с учителем: «Человек... шел по заснеженной улице впереди немногочисленной группы людей рядом с развевающимся красным знаменем». Временами поворачивался к идущим за ним людям, поднимая в руке тынину, и по его взмаху взлетала песня «Смело, товарищи, в ногу». По сторонам этой праздничной процессии гарцевали на бойких лошадях два человека в солдатских шинелях с карабинами, и боевая песня сопровождалась гулками выстрелами всадников... Такая праздничная демонстрация устраивалась в Журавлихе впервые в ознаменование Октябрьской революции и была для жителей села необычна».

И далее С. П. Титов вспоминает, как Топоров открыл для коммунаров музыку Глинки и Листа, Сарасате и Сибелиуса, Чайковского и Паганини, имена Репина и Сурикова, Левитана и Перова. Теперь понятно, откуда у Германа Титова такая любовь к Пушкину и к классической музыке, и к человеку, о котором «слышал всю сознательную жизнь» и с которым свиделся в дни исторического XXII съезда КПСС в Москве, в редакции «Известий». Нет, не зря Адриана Митрофановича называют духовным дедом Германа Титова!

Нужно сказать, что Новосибирское издательство постаралось сделать книгу «Крестьяне о писателях» и внешне очень привлекательной. Со вкусом оформленная суперобложка, броский современный шрифт заголовка, прекрасный рисунок-заставка — художник С. В. Калачей

54

внес свою лепту в это издание, которое, не сомневаемся, обратит на себя внимание самых широких кругов читателей: рабочих, колхозников, студентов, писателей.

Часть страниц книги посвящена отзывам о Топорове и его работе первых читателей «крестьян», а то и здравствующих еще коммунаров бывшего «Майского утра». Вот некоторые:

«На самой ходовой полке моей скромной библиотеки приготовлено место для книги А. М. Топорова, которой восхищаюсь я и восхищаются мои друзья. П. Лобанов».

«Для меня А. М. Топоров был не только учитель (я училась у него до седьмого класса), но и Человек с большой широкой душой, которому я обязана отчасти своим образованием. М. Зверева».

«Везде и всюду он отдавал свои знания, свой талант — народу. И недаром теперь еще старые коммунары поминают добрым словом своего учителя и пишут ему сердечные письма. Г. Блинов».

... В добрый путь, книга, родившаяся в

народе и адресованная народу! В добрый путь, книга-легенда!

ЭМ. ЯНВАРЕВ.